

только знал «Исповедь», но и разделял позицию Руссо — быть искренним не только в достоинствах, но и в слабостях.⁴ Целенаправленное внимание автора «Дневника» к слабостям героя тем более интересно, что датировка этого очерка до настоящего времени остается проблематичной. Любопытен, например, казус, допущенный в работе Г. Г. Елизаветиной «Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII в. и А. И. Герцен».⁵ Исследовательница, относя «Дневник одной недели» к 1773 г., рассматривает его как свидетельство знакомства с «Исповедью» Руссо, которая частично была опубликована в 1782 и 1789 гг., а полностью — в 1790 г.

1773-й год как дата написания «Дневника» был выдвинут Г. П. Макогоненко.⁶ Полемизируя с П. Н. Берковым, датирующим «Дневник» началом 1790-х гг.,⁷ и Л. И. Кулаковой, относящей «Дневник» к 1790 г.,⁸ Г. П. Макогоненко упрекает их в пренебрежении реальной биографией героя повести. Непосредственным поводом для написания «Дневника», по мнению Макогоненко, послужила первая разлука Радищева с друзьями — А. Рубановским и А. Кутузовым после 11-летней совместной жизни с ними. Следуя логике атрибутов внешнего автобиографизма, Макогоненко исключает из поля зрения внутренний автобиографизм, природу драматического мировосприятия героя. Духовный опыт автора и его героя в художественной структуре «Дневника» не учитывается. Этот внутренний автобиографизм как раз и лежит в основе концепций Беркова и Кулаковой. В их системе доказательств играет существенную роль и столь важный аргумент, как стиль повести Радищева, который Берковым соотносится со стилем первого письма из печатавшихся на страницах карамзинского «Московского журнала» в 1791 г. «Писем русского путешественника», а Кулаковой — с письмами Радищева 1790 г., написанными по дороге в Илимск. По мнению Макогоненко, герой «Дневника» — «духовно потрясенная личность» и в то же время человек, не знающий своего общественного призвания, не предполагающий, в чем он осуществит себя как личность, ненавидящий одиночество, страдание, смерть. В повести, по мнению Макогоненко, Радищев стремился дать «психологическое обоснование несостоятельности теории уединения» и, полемизируя с Руссо, противопоставил уединение принципу «общезительства». Так ли это? Обратимся к тексту. Оказывается, что у героя позади горестные обстоятельства «печали и уныния», время, когда он искал убежища в одиноч-

---

⁴ О соотносении «Путешествия из Петербурга в Москву» с «Исповедью» Руссо см.: *Witkowski T. Radišev und Rousseau*, S. 128—129.

⁵ Изв. АН СССР. Серия лит. и яз., 1967, т. XXVI, вып. 1, с. 45.

⁶ Макогоненко Г. П. Радищев и его время, с. 159—163.

⁷ Берков П. Н. «Гражданин будущих времен». — Изв. АН СССР, Отд. лит. и яз., 1949, т. VIII, вып. 5, с. 401—416.

⁸ Кулакова Л. И. О датировке «Дневника одной недели». — В кн.: Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950, с. 148—157.